

ВАЛЕРИЙ ПИСИГИН

ЭХО ПУШКИНСКОЙ СТРОКИ



К истории написания книги

(Предисловие к интернет-изданию на сайте Центральной районной библиотеки г. Торжка)

Весной 1997 года вышло из печати моё *Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург*. Как только сошел снег, я нагрузил автомобиль пачками книг и вновь поехал по «государевой дороге», теперь уже с приятной целью: развести экземпляры только что вышедшей книги по библиотекам, находящимся на моем пути. В течение трех дней я проехал от Москвы до Санкт-Петербурга, останавливаясь во всех населенных пунктах, где только имелись библиотеки, в том числе и в тех, главы о которых так и не вошли в книгу: в Пóдберезье, Спасской Полисти, Чúдове, Любáни, Тóсне... Приезжая, я разыскивал библиотеку, объяснял, кто я и зачем прибыл, после чего передавал несколько экземпляров книг, оставлял свой адрес и уезжал. Процедура эта, кажущаяся простой, далась тяжелее, чем трехмесячный сбор материала для книги...

Реагировали на книгу по-разному. В основном тепло, но в некоторых местах меня встретили более чем спокойно и даже настороженно. Почти со всеми библиотеками (правильнее сказать, с библиотекарями) у меня завязались добрые отношения, которые продолжались несколько лет или продолжают до сих пор, но с некоторыми контакта так и не возникло. Так, к моему удивлению, совершенно не отреагировали на книгу в Новгороде, о котором, как мне казалось, я написал не самую худшую главу. Зато тепло отзывались в Солнечногорске, в Завидове, в Городне, в Едрове, на Валдае, где у меня появились серьезные и вдумчивые читатели. А наибольший отклик моя книга нашла в Торжке и Вышнем Волочке. Читатели там оказались наиболее чувствительными и восприимчивыми к тому, о чем я написал.

Что касается Торжка, то, на моё счастье, книга была оценена Валентиной Федоровной Кашковой, которая тотчас приняла меня в свое новоторжское писательское братство. Как оказалось, это имело серьезные последствия, и именно возникшая связь с Торжком привела к появлению книги «Эхо пушкинской строки».

Как автора книги «Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург», с главой «Торжок», меня пригласили на очередной Пушкинский праздник поэзии, который в 1997 году совпал с Троицкими гуляниями, так что было решено соединить эти два события. В рамках праздника была организована презентация моей книги, и я впервые предстал перед новоторами в новом для себя качестве «московского писателя». Пишу в кавычках, потому что никогда не считал себя писателем, тем более московским... В этом же странном статусе я был гостем и Троицких гуляний – грандиозного народного праздника на берегу Тверцы у Митина.

Никаких планов по написанию книги, очерка или хотя бы статьи у меня не было. Никогда в жизни я не бывал ни на одном народном празднике, ни на одной ярмарке, ничего не слышал о Троицких гуляниях и, вообще, по роду своей деятельности и по призванию был очень далек от всего того, что увидел и услышал в Торжке. Но ко всему этому меня приблизила только что вышедшая книга – моё «Путешествие»: я все еще находился под впечатлением от ее написания и под воздействием той необъятной и необъяснимой среды, с которой столкнулся на «государевой дороге». Все больше и больше притягивала меня к себе внезапно открывшаяся Россия и её главный герой – Александр Сергеевич Пушкин, который, как известно, однажды притянув к себе, уже не отпускает прежним.

Это-то и понимала В.Ф.Кашкова, устраивая мой приезд в Торжок. Она первой оценила моё «Путешествие» и, конечно же, надеялась на то, что, открыв для себя пушкинскую Россию и Торжок, с его народным праздником, я не удержусь, чтобы о том не написать.

Расчет Валентины Федоровны оказался верен: увиденное и услышанное во время пребывания в Торжке настолько меня потрясло, что спустя месяц стало ясно: я буду писать книгу о Пушкинском празднике и Троицких гуляниях, книгу о Торжке.

Трудность состояла в том, что я не делал записей, не вел дневника, не брал с собой диктофон, вообще не готовился к поездке, и потому у меня не было никакого материала для будущей книги. Была только память, да и то – память на впечатления. Но это-то и было самым важным. Не претендуя на серьезное исследование и глубокомысленное повествование, я намеревался лишь передать свои впечатления и ощущения, изложив их на бумаге. Но когда я приступил к работе, понадобились, конечно, и кое-какие знания. За ними я и отправился вновь в Торжок...

Вот тут и проявилась во весь свой рост В.Ф.Кашкова, которая стала настоящей зачинщицей, вдохновительницей и путеводительницей будущей книги, потому что именно она собирала и пересылала мне необходимые материалы, снабжала точными сведениями, обращала внимание на тот или иной аспект будущей книги, называла важные имена, сообщала истории и, что немаловажно, оберегала от очевидных глупостей, которых, поверьте, было (да, наверное, и осталось) предостаточно. Если учесть то, что Валентина Федоровна работала еще и с рукописью книги, то она по праву может считаться моим соавтором – не меньше! У меня сохранились письма Валентины Федоровны, относящиеся к периоду работы над книгой, и в этих письмах отчетливо видна её огромная и бесценная соавторская работа.

Добавлю и то, что это было счастливое сотрудничество, потому что Валентина Федоровна ни за что не позволила бы написать вздор: одной ее реплики было бы достаточно, чтобы я, что называется, «закрыл тему» Торжка и больше никогда к ней не возвращался...

Кроме В.Ф.Кашковой, мне помогали и другие новоторы, в том числе и будущие герои книги. Тут и торжокские поэты, которые

пересылали свои стихи и сведения о себе; и руководители детских творческих коллективов; и учителя, и мастера народного промысла, и служащие Музея А.С.Пушкина во главе с Таисией Владимировной Горох; и, конечно, библиотекари, под руководством Ольги Александровны Митиной, которые подбирали материалы и пересылали их мне в Москву, и многие-многие другие, искренне заинтересованные в том, чтобы получилась стоящая книга. И вовсе не будет преувеличением утверждение, что «Эхо пушкинской строки» – во многом плод усилий самих новаторов: мне же оставалось лишь более-менее стройно «упаковать» добытый материал...

Что касается Москвы, то здесь моим главным наставником стал выдающийся искусствовед, писатель, литературный и театральный критик Борис Исаакович Зингерман (1928-2000). Это имя было и остается легендарным в театральной и искусствоведческой среде. На его книгах по драматургии и бесчисленных искусствоведческих статьях выросло не одно поколение артистов, режиссеров, художников и прочих творческих личностей. А познакомил меня с Борисом Исааковичем в 1995 году Юрий Петрович Любимов. Зингерман являлся одним из авторов концепции Театра на Таганке, а также был старым другом Любимова. Обычно знаменитый режиссер приглашал его в театр на последней стадии сдачи очередного спектакля, когда уже «было что показать». Любимов как-то признался, что его артисты боятся играть, когда видят в зале Зингермана. Добавлю, что и сам Юрий Петрович слушал Бориса Исааковича, образно говоря, держа руки по швам, принимая к сведению каждое его замечание, чего я не единожды был свидетелем... Разумеется, если бы не Юрий Петрович, я бы никогда не узнал, кто такой Зингерман и чем он знаменит. Борис Исаакович, со всеми своими искусствоведческими трудами, был для меня столь же далеким, как и Пушкинские праздники поэзии в Торжке: совершенно уж иными делами занимался я в своей прежней жизни...

Борис Исаакович с интересом воспринял мои первые книги, с политической публицистикой, и помогал в написании «Путешествия из Москвы в Санкт-Петербург»: давал советы и даже редактировал отдельные главы. А вот что касается «Эха пушкинской строки», то здесь он был моим главным критиком и учителем, и у меня среди самых ценных реликвий хранятся его письменные рекомендации и замечания на черновики глав. Это очень любопытные записи! А для меня они были и вовсе бесценными, потому что «попасть в руки» к Зингерману была великая честь. А вот выпасть из его орбиты можно было запросто. Достаточно было не выполнить (или выполнить плохо) какую-то очередную его рекомендацию.



С Б.И.Зингерманом и Ю.П.Любимовым в
Театре на Таганке, 1998 г.

Прочитывая только написанный отрывок, который я спешил принести ему, он тотчас делал замечания и давал задание, как улучшить текст. Уже на следующий день он звонил и требовал результат, после чего принимался за следующие страницы...

Например, именно Борис Исаакович заставил меня написать очерк о роли и значении котлеты в нашем отечественном быту; и он же заставил меня остановиться на моем отчем доме, который я описываю в одной из глав... И вообще, все мои, так называемые, «лирические» и «философские» размышления инициированы Борисом Исааковичем, который, кажется, не без удовольствия ставил на мне эксперимент: сможет или не сможет? вытянет или не вытянет?.. Так он заставил меня «выбрать» из уже готовых диалогов некоторые важные, на его взгляд, мысли, чтобы преобразовать их в монологи. «Никому не отдавайте свои мысли», – строго наказывал он. «Но ведь это выдуманный персонаж», – защищался я. «Тем более не отдавайте», – приказывал Борис Исаакович...

Это был его стиль! Составитель, главный редактор и научный руководитель множества сборников и альманахов, издававшихся Государственным институтом искусствознания, Зингерман был чрезвычайно требовательным ко всем, с кем работал. Оттого и ценились (и ценятся сейчас!) эти сборники, а опубликоваться в них было высокой честью. И каждый, кто когда-либо сотрудничал с Борисом Исааковичем, признаёт эту работу как высшую школу и счастливейшее время!

Чего бы только я сейчас ни отдал за то, чтобы показать Борису Исааковичу свои книги об англо-американской музыке! Восемь толстых томов, десять лет жизни – и всё это написано уже без Зингермана... Впрочем, почему без него? К счастью, уроки наших главных учителей никогда не заканчиваются. Ведь если мы посчитаем, что они остались в прошлом, закончились, – то мы и сами тотчас закончимся и попросту перестанем быть, и уж точно не сможем более писать или думать...

Так что в самой теплой и душевной из всех моих книг (а таковой я считаю «Эхо пушкинской строки») присутствует живое дыхание Б.И.Зингермана. Все лучшее, если только оно есть в этой книге, – его

заслуга и результат его терпеливого учительства. Да и во всех последующих моих книгах тоже есть его зримое присутствие.

Еще одним моим наставником во время написания книги был Вячеслав Петрович Нечаев – многолетний директор Центральной научной библиотеки Всесоюзного театрального общества. Кроме прочего, он снабжал меня редчайшими книгами о Пушкине и пушкинской эпохе, которых я прежде в глаза не видел и даже не знал об их существовании. Вся сцена с Вячеславом Петровичем, описанная во введении, – сущая правда. Он действительно отдал мне свои личные бесценные книги вместе с фотопортретом балерины Тамары Карсавиной, с тем чтобы только от всего этого был толк.

Обладатель непомерных, энциклопедических, знаний в области книгопечатания и книгоиздательства (полагаю, самый крупный в России), Вячеслав Петрович, как никто другой, знает театральную и вообще творческую московскую среду. Он также хорошо знает русскую послереволюционную эмиграцию, так что, если где-нибудь в Европе обнаруживается архив кого-то из видных русских эмигрантов, на его исследование тотчас отправляется Вячеслав Петрович.

Добавлю, что с В.П.Нечаевым меня познакомил Борис Исаакович Зингерман, после чего сообщил: «Считайте, что теперь вы не пропадете...» И действительно, если я всё-таки не пропал, в том огромная заслуга Вячеслава Петровича!

Среди своих старших наставников этого времени назову и Михаила Александровича Борщаговского, известного писателя, доброго, честного и отзывчивого человека. Он написал, кажется, больше двадцати книг, но широкую известность Александру Михайловичу принесла повесть, по которой был снят популярнейший фильм «Три тополя на Плющихе».

Конечно же, я должен назвать и Г.А.Явлинского, который поддерживал меня морально и материально и с чьего благословения

издана книга. Григория Алексеевича всегда волновала жизнь в российской глубинке, и он живо интересовался моими странствиями. Чтобы это не звучало пустыми словами, сообщу, что вот уже почти пятнадцать лет (даже и сейчас!) в его кабинете, на самом видном месте, висят фотографии юных новоторок в народных костюмах: те самые снимки, которые я сделал во время Троицких гуляний в Митине в июне 1997 года!

Несколько слов о Режиссере, которого я ввел в книгу.

Конечно же, это Юрий Петрович Любимов, с которым мы на протяжении нескольких лет были дружны. И если кого-то интересует Ю.П. Любимов – как и о чем он мыслит, как говорит, как строит речь, как относится к Пушкину, к театру, к артистам, – то в представляемой книге приведены мои наблюдения и дословные наши беседы... Когда-нибудь, набравшись сил и мужества, я напишу о своих старших друзьях – учителях и наставниках. Поверьте, мне есть что о них сказать.

Что еще добавить к этому предисловию?

Наверное, впору еще раз посетовать на скоротечность времени. Почти пятнадцать лет прошло с того памятного дня, когда на берегу реки у Митина проводился описанный в книге замечательный праздник Троицкие гуляния. Пятнадцать лет! Сколько же воды унесла за это время Тверца!.. Наверное, те замечательные девочки в народных костюмах, которые улыбались мне, уже и сами – мамы. А их мамы, скорее всего, уже бабушки... А где тогда те старушки, что пели в хоре? Живы ли они?! Кто знает, кто знает... Ведь многие ушли от нас за это время... Вот уже и Валентины Федоровны Кашковой нет... А что с нашими торжокскими поэтами? По-прежнему ли пишут стихи? Или сейчас им не до лирики?... А что с золотным шитьем? Не перевелись ли мастерицы?.. А как там деревянные постройки в

Митине?.. Многое изменилось, многое ушло, исчезло, растаяло в тумане времени, и, кажется, безвозвратно...

Но вот перед нами книга: запечатленные радость, горесть, надежда, любовь, отчаяние, чья-то мысль, чей-то смех, чьи-то слезы... А всё вместе – Дух человеческий... Откройте книгу и убедитесь, насколько этот Дух сильнее брэнной плоти: ведь всё, что есть в книге, по-прежнему обитает среди нас, оно – живо! И будет таковым и через тридцать, и через пятьдесят, и через сто лет... И будет жить ровно столько, сколько будет в нас интерес к самим себе.

Аура, апрель 2012 года